

характеристика императрицы Феодоры. В юности — это развратная куртизанка, глубоко погрязшая в пороках, злоречивая и остроумная, в зрелости — мудрая правительница, обладавшая недюжинным умом, непреклонной волей и личным мужеством¹².

В этих характеристиках правителей империи, разумеется, нашли отражение внутренние противоречивость самих участников исторических драм, зигзаги в их деятельности, изменения их психологии. Вместе с тем противоположность оценок была обусловлена социально-политическими воззрениями самих авторов, их династическими и личными пристрастиями, классовой, «партийной» и религиозной принадлежностью. Но очевидно и другое. Неограниченная верховная власть правителей империи весьма часто не подкреплялась высоким моральным авторитетом уважением и любовью подданных. Этот исторический феномен, думается, объясняется сложностью и нестабильностью жизни византийского общества, особенно в период перехода от поздней античности к средневековью.

Видное место в исследовании проблемы власть и авторитет в Византии занимает анализ особенностей церковной организации в империи и ее взаимоотношений как с императорской властью, так и с папским престолом.

Между восточной (православной) и западной (католической) церквами с самого начала наметились существенные различия. Хотя и та и другая генетически восходили к единой вселенской церковной организации, каждая из них пошла своим особым путем. Номинально церковное единство признавалось и Римом и Константинополем, но фактически в течение столетий между папским престолом и константинопольской патриархией шла никогда не затухавшая то подспудная, то открытая борьба за религиозное и политическое главенство. Между ними очень рано возникли значительные расхождения как социально-политического, так догматического, обрядового характера. Эти расхождения, разумеется, во многом отражали различия в общественной структуре и идейной жизни Византии и Запада. В Византии церковь не имела той экономической и административной автаркии, какая сложилась в Западной Европе. Церкви и монастыри в ранней Византии, хотя и были крупными землевладельцами и пользовались рядом привилегий, так и не превратились в независимые замкнутые поместья, подобно церковным вотчинам и аббатствам Запада. Православная церковь и экономически, и политически в большей степени, чем католическая, зависела от государства, от императорских пожалований, теснее была связана с централизованной государственной системой¹³.

Если на Западе складывалась централизованная церковная организация под главенством римского папы, то на Востоке господствовала система патриархий — одновременного существования пяти полноправных патриархий в Риме, Константинополе, Александрии, Антиохии и Иерусалиме. Между восточными патриархами не было единства, и они не хотели признавать полного главенства одного из патриарших престолов. Рим и Константинополь постоянно спорили из-за первенства, в ранний же период с подобными притязаниями выступали и другие патриархии. В православной церкви церковные соборы стояли выше патриархов, и лишь они являлись создателями церковных канонов. Вместе с тем они сами подчинялись светской власти, в отличие от Запада, где церковные соборы, как правило, выполняли волю папского престола¹⁴.

¹² *Browning R.* Justinian and Theodora. L., 1971; *Удальцова З. В.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974; *Она же.* Мироззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 1971, 32, с. 8—22.

¹³ *История Византии.* М., 1967, т. 3, с. 313—316; *Geanakoplos D. S.* Church and State in the Byzantine Empire. — In: *Byzantina East and Latin West.* Oxford, 1966; *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977; *Idem.* Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Göttingen, 1980.

¹⁴ *История Византии,* т. 1, с. 144—163.